

ОБЫКНОВЕННАЯ
СТРАСТЬ

Журнал «Наедине с тобой»
более непристойен, чем де Сад.

Ролан Барт

Этим летом я впервые смотрела по Каналу+ фильм категории X¹. У меня нет декодера, поэтому изображение на экране было нечетким, а слова сливались в причудливый гул, потрескивание, хлюпанье — непонятный, сладостный и непрерывный речевой поток. Я различала два силуэта: женщины в грации с резинками и в чулках — и мужской. Плохо понимала, что происходит и что означает тот или иной жест. Но вот мужчина подошел к женщине. После этого крупным планом показали женские гениталии, хорошо различимые на мерцающем экране, затем мужской член в состоянии эрекции, проникающий во влагалище. Потом очень долго, под разными углами, показывали соитие по-

¹ Порнографический фильм. — (Прим. перев.)

ловых органов. Затем на экране снова появился член, зажатый мужской рукой, и на женский живот излилась обильная сперма. Со временем это зрелище становится привычным. Оно уже не потрясает, как в первый раз. Потребовалось, чтобы миновали века и сотни поколений сменили друг друга, и вот мы можем свободно наблюдать слияние женских и мужских гениталий, извержение спермы — и если раньше подобное зрелище повергало в обморок, то теперь оно столь же обыденно, как рукопожатие.

* * *

И у меня мелькнула мысль, что литературе стоило бы осмыслить чувства, которые вызывают сцены полового акта: смятение, ужас и, наконец, забвение всех моральных запретов.

* * *

С сентября прошлого года вся моя жизнь превратилась в лихорадочное ожидание мужчины: я только и делала, что жда-

ла, когда он позвонит или придет. Я ходила в супермаркет, в кино, сдавала отутюжить одежду, читала, проверяла тетради учеников — делала все, что и прежде, но если бы не давняя привычка, все эти повседневные дела стали бы для меня невыносимы или потребовали бы невероятных усилий. Особенно сильно я ощущала, что живу по инерции, когда приходилось с кем-то разговаривать. Слова, целые фразы и даже смех вылетали у меня изо рта совершенно автоматически, словно помимо моей воли. Впрочем, очень смутно помню, чем я тогда занималась, какие фильмы смотрела, с кем встречалась. Единственный, кто в ту пору мог подвигнуть меня на осмысленные действия, требовавшие участия моей воли, желания и так называемых умственных способностей (заглядывать вперед, взвешивать все «за» и «против», а также возможные последствия), был этот мужчина:

- читать газетные статьи, в которых шла речь о его стране (он был иностранцем);
- приобретать новые наряды и макияж;
- писать ему письма;
- менять постельное белье и украшать спальню свежими цветами;

— записывать все важное и интересное, чтобы рассказать ему при встрече;

— покупать виски, фрукты и всякую всячину для нашего вечера вдвоем;

— стараться угадать, в какой комнате мы будем заниматься любовью на сей раз...

* * *

Разговаривая с людьми, я пробуждалась от своего безразличия, только когда затрагивались темы, хотя бы отдаленно связанные с этим человеком — с его работой, с его страной или местами, где он бывал. Мой собеседник не подозревал, что мое оживление вызвано вовсе не его даром рассказчика и даже не предметом разговора, а всего-навсего упоминанием ночного клуба «Фьорендито», который мог посещать А., бывавший в Гаване по служебным делам еще за десять лет до встречи со мной. Читая книги, я точно так же задерживала внимание только на фразах, в которых говорилось об отношениях между мужчиной и женщиной. Мне казалось, что они помогают мне лучше понять А. и поверить в желаемое. Так, прочи-

тав в романе «Жизнь и судьба» Гроссмана: «Кто целуется с открытыми глазами, тот не любит», — я тут же начала внушать себе, что А. любит меня: целуясь, он всегда закрывает глаза. В остальном же эта книга, как и все прочие занятия в тот год, помогала мне лишь скоротать время между свиданиями.

* * *

Мое будущее зависело только от телефонного звонка этого человека и встречи с ним. Я старалась как можно реже выходить из дома во внеурочное время (расписание моих занятий у него было), опасаясь, вдруг он позвонит, а меня не будет на месте. Я перестала пользоваться пылесосом и феном для волос, чтобы не пропустить телефонного звонка. Каждый звонок внушал мне надежду, но стоило мне медленно снять трубку, произнести «алло» и узнать, что это не он, я испытывала такое сильное разочарование, что встречала в штыки звонившего мне человека. Если же я слышала голос А., это бесконечное, болезненное и ревнивое ожидание мгновенно забывалось, словно я в один миг

излечивалась от безумия. Хотя, если признаться, меня поражала невыразительность его голоса и то, как много значит он в моей жизни.

Если он предупреждал, что придет через час, то есть представился «удобный повод» опоздать домой, не вызывая подозрений у жены, начиналось лихорадочное ожидание, когда все одолевавшие меня мысли и желания улетучивались (возникал даже страх, смогу ли я насладиться его любовью), и я спешила переделать все, что до этого не планировала: принять душ, достать бокалы, покрыть лаком ногти, смахнуть тряпкой пыль. Я уже не сознавала, кого именно я жду. Я жила лишь предвкушением этой сокровенной минуты, приближение которой внушало мне необъяснимый ужас — когда я услышу звук тормозов, хлопок дверцы, его шаги на бетонном крыльце.

Но если он звонил и обещал приехать через три-четыре дня, я с отвращением думала о том, как же я вынесу свою обычную работу, предстоящие обеды с друзьями. Я жаждала полностью отдаться лишь одному — ожиданию. И меня мучила все нараставшая тревога: вдруг что-нибудь помешает нашему сви-

данию? Как-то после полудня я на машине мчалась к себе домой, чтобы успеть за полчаса до его приезда. И тут у меня мелькнула мысль: а что, если я сейчас с кем-нибудь столкнусь? И тут же подумала: «Остановлюсь я в этом случае или нет?»¹

И вот я совсем готова: подкрашена, причесана, в доме полный порядок, но если ожидание затягивалось, я была уже не в состоянии читать или проверять тетради. Да мне и не хотелось ни на что отвлекаться, чтобы не испортить эти минуты ожидания. Зачастую я записывала на листке дату, час, слова «сейчас он приедет» и свои опасения: вдруг не приедет, вдруг его желание угасло? Вечером я снова бралась за этот листок, чтобы

¹ Я очень люблю проверять силу своих желаний, мысленно воображая себя виновницей или жертвой дорожного столкновения, внезапной тяжелой болезни или прочих трагических обстоятельств. Это довольно верный способ убедиться, насколько непобедимо мое желание, — а может, и бросить вызов судьбе, соглашаясь оплатить его столь высокой ценой: «Пусть хоть весь дом сгорит дотла, но я не сдвинусь с места, пока не допишу эту работу до конца». — (Прим. автора.)